

A full-page photograph of two women from the waist up. The woman on the left has long, dark brown hair and is looking directly at the camera. The woman on the right has long, wavy blonde hair and is looking slightly to the side. Both are wearing black, strapless corsets with lace trim at the bust and waist, and sheer lace detailing at the bottom. The background is a plain, light-colored wall.

Александр Эрот

Милфы — охотницы на девственника

18+

Александр Эрот

**Милфы — охотницы
на девственника**

«Автор»

2026

Эрот А.

Милфы — охотницы на девственника / А. Эрот — «Автор»,
2026

Девятнадцать лет. Роскошная вилла на Лазурном берегу. Северин — загадочная богиня с темными глазами и философией абсолютной свободы. То, что началось как унижение, превратилось в ночь инициации, где стыд сгорел в пламени наслаждения. Уроки любви от женщин. Искусство подчинения и власти. Философия эротизма, стирающая границы между телом и душой. Он думал, что познал истину страсти. Думал, что стал мужчиной. Но рассвет на вилле принес не только похмелье первой ночи. Что реальнее — жар их прикосновений или холод могил? И почему они выбрали именно его, девственника, чтобы на одну ночь снова стать живыми? Роман о том, где грань между наслаждением и проклятием тоньше, чем кажется. О любви, что сильнее смерти. И о цене, которую платят те, кто смеет заглянуть в вечность. Иногда инициация — это не начало жизни. Это прощание.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Милфы — охотницы на девственника

Глава

Я был девственником, когда встретил эту девушку впервые. Когда я подошел к ней, она с подругами рассмеялась надо мной, но в эту же ночь она оказалась в моей постели.

Ее смех все еще звенел в моих ушах — серебристый, безжалостный, как звон хрустальных бокалов, разбивающихся о мраморный пол. Это произошло на террасе огромной виллы на Лазурном берегу, где воздух был густым от ароматов цветущего олеандра, дорогого парфюма и той ленивой, пресыщенной скуки, которая свойственна лишь очень богатым и очень свободным людям. Мне было девятнадцать. Мое тело, юное, угловатое, еще не познавшее ни тяжести, ни сладости чужой плоти, было для меня тюрьмой. Я подошел к ней, чтобы предложить бокал шампанского — нелепый, дрожащий жест, выдающий с головой мою абсолютную, постыдную неискушенность.

Ее звали Северин. Она сидела в окружении трех других женщин, таких же безупречных и хищных, как она сама. Когда я заикнулся, протягивая бокал, она посмотрела на меня своими огромными, темными глазами, в которых читалась тысячелетняя мудрость порока. А затем она рассмеялась. Подруги подхватили этот смех, и я, сгорая от унижения, отступил в тень, мечтая лишь о том, чтобы раствориться в душной южной ночи.

Я сбежал в свою комнату на мансарде, бросился на узкую кровать и часами смотрел в потолок, проклиная свою робость, свою юность, свою проклятую девственность. Она казалась мне клеймом.

Но около трех часов ночи, когда звуки джаза внизу наконец стихли, уступив место стрекотанию цикад, дверь моей комнаты бесшумно отворилась.

В проеме стояла она. Северин.

На ней был лишь длинный шелковый халат цвета бургундского вина, который струился по ее телу, словно вторая кожа. В руке она держала тонкую сигарету, дым от которой вился в лунном свете, проникающем через открытое окно.

Я резко сел, натягивая простыню до подбородка, словно испуганная институтка.

— Ты не спишь, — это был не вопрос. Ее голос, низкий, с легкой хрипотцой, казался осязаемым. Он вибрировал в воздухе, заполняя собой все пространство моей маленькой комнаты.

— Что вы здесь делаете? — мой голос дрогнул, выдавая панику.

Она медленно закрыла за собой дверь, повернула ключ в замке и подошла к моей кровати.

— Днем мы смеялись над тобой, мой милый мальчик, — произнесла она, садясь на край матраса. Пружины тихо скрипнули. Запах ее духов — смесь жасмина, мускуса и чего-то животного, первобытного — ударил мне в голову, лишая остатков разума. — Ты думал, мы смеялись из жестокости? О, нет. Мы смеялись от умиления. Твоя невинность сияет так ярко, что на нее больно смотреть. В нашем мире, где каждый пресыщен, где тела давно стали лишь инструментами для извлечения все более сложных удовольствий, ты — как глоток родниковой воды. И я решила, что выпью эту воду сама.

Она затушила сигарету о край пепельницы на прикроватном столике. Ее движения были медленными, гипнотическими. Я не мог оторвать взгляд от ее пальцев, украшенных тяжелыми золотыми перстнями, от ее запястий, от линии шеи, которая казалась выточенной из алебаstra.

В философии любви, которую исповедовала Северин, не было места стыду или жалости. Было лишь чистое, абсолютное познание.

— Сними простыню, — приказала она. Голос был мягким, но в нем звучала сталь, не терпящая неповиновения.

Я замер. Мое сердце колотилось так сильно, что мне, казалось, оно разорвет грудную клетку. Страх смешивался с таким всепоглощающим вожделением, что у меня пересохло во рту. Я медленно опустил руки. Простыня соскользнула, обнажая мое юное, напряженное тело, залитое бледным светом луны.

Северин не стала бросаться на меня, как оголодавшая хищница. Напротив, она оставалась в халате. Она склонилась надо мной, и ее волосы, пахнущие ночным морем, коснулись моей груди.

— Твое тело — это неисследованный континент, — прошептала она, и ее прохладный палец медленно провел линию от моей ключицы до живота. Я вздрогнул, как от удара током. — Ты боишься его. Ты боишься того, на что оно способно. Общество научило тебя, что секс — это нечто грязное, или, наоборот, нечто сакральное, требующее любви до гроба. Какая чушь. Секс — это искусство стирания границ между «я» и «ты». Это религия плоти, где каждый нерв — это алтарь.

Она поднялась и встала у изножья кровати.

— Смотри на меня, — приказала она.

Ее руки скользнули к поясу халата. Медленно, с дразнящей неторопливостью, она развязала шелковый узел. Ткань соскользнула с ее плеч, обнажив тело потрясающей красоты. Она не была юной девочкой; в изгибах ее бедер, в полноте груди читалась зрелая, осознанная женственность. Это было тело, которое знало все о наслаждении, тело, которое брало и отдавало без оглядки на мораль.

— Ты никогда не видел обнаженную женщину так близко, не правда ли? — спросила она, видя, как расширились мои зрачки. — Не отворачивайся. Впитывай меня. Твое образование начинается прямо сейчас.

Она подошла ближе и легла рядом со мной. Контраст между ее горячей, мягкой кожей и моим зажатым телом был разительным. Она взяла мою руку и положила ее на свою грудь. Я почувствовал биение ее сердца и твердость соска под моей ладонью. Мои пальцы дрожали.

— Не бойся, — ее губы оказались у моего уха. Она легонько прикусила мочку, заставив меня судорожно выдохнуть. — Плоть не может причинить вред, если ты отдаешься ей полностью. Позволь мне разрушить твою эго. Позволь мне сделать тебя рабом твоих собственных чувств. Только так ты станешь по-настоящему свободным.

Она перехватила инициативу с пугающей легкостью. Моя девственность была для нее чистым холстом, а она была гениальным художником. Северин не позволяла мне двигаться. Каждый раз, когда инстинкты брали верх и я пытался обнять ее, притянуть к себе, она жестко перехватывала мои руки, прижимая их к постели.

— Терпение, — шептала она, скользя губами по моей шее, спускаясь ниже, к животу. — Ты хочешь всего и сразу, как голодный щенок. Но истинное удовольствие кроется в ожидании. В том моменте, когда напряжение становится невыносимым, когда грань между болью и экстазом стирается.

Ее рот, ее руки, ее волосы — все это стало инструментами пытки и блаженства. Она исследовала меня так тщательно, словно хотела выучить наизусть каждую реакцию моего тела. Она заставляла меня стонать, а затем замолкать, требуя полного контроля над моим дыханием. Она играла с моей уязвимостью. В какой-то момент я почувствовал себя абсолютно беспомощным, но это не унижало меня. Напротив, в этой покорности опытной, властной женщине было какое-то извращенное, глубокое освобождение. Я перестал быть студентом, мальчиком, девственником. Я стал просто материей, реагирующей на прикосновения.

Затем Северин отстранилась. Она села на меня сверху, оседлав мои бедра. Лунный свет освещал ее лицо — оно было сосредоточенным, почти отрешенным, как у жрицы во время древнего ритуала.

— Теперь, — сказала она, глядя мне прямо в глаза, — я заберу то, что ты так бережно хранил. И ты отдашь мне это с благодарностью.

Она медленно опустилась на меня. Проникновение было настолько интенсивным, глубоким и ошеломляющим, что я выгнулся дугой, издав сдавленный крик. Это не было похоже ни на что из того, что я мог себе представить в своих юношеских фантазиях. Это не было быстрым, неуклюжим актом. Это было похоже на погружение в горячий, обжигающий океан.

Северин двигалась с гипнотической грацией. Она задавала ритм — то медленный, мучительный, заставляющий меня молить о большем, то быстрый, яростный, выбивающий из меня последние остатки мыслей.

— Чувствуешь? — шептала она сквозь тяжелое дыхание, наклоняясь ко мне и позволяя своей груди тереться о мою. — Чувствуешь, как рушатся стены? Как твое стыдливое «я» распадается на части? Нет больше правил. Нет того мальчика, над которым смеялись. Есть только это. Только пульсация крови.

Она была права. В эти минуты я постигал суть той самой философии, о которой так много писали свободомыслящие французы. Моя девственность не была физической преградой — она была ментальным барьером, клеткой из социальных ожиданий и страхов. И теперь Северин ломала эти прутья один за другим. Она заставляла меня смотреть на ее лицо, когда удовольствие искажало ее черты, учила меня видеть красоту в животной стороне человеческой природы.

— Открой глаза! — резко приказала она, когда я попытался зажмуриться перед наступающим финалом. — Смотри на меня. Смотри, кому ты отдаешь свою невинность. Запомни это лицо, потому что после этой ночи ты будешь искать его в каждой женщине.

Я смотрел. Ее глаза были темными омутами, ее влажная кожа мерцала, ее губы были открыты в беззвучном крике. Волна экстаза, которая накрыла меня, была настолько мощной, что мне показалось, будто я умираю. Я взорвался внутри нее, отдавая всего себя, до последней капли, растворяясь в этом акте абсолютного подчинения и абсолютного торжества. Мой крик смешался с ее протяжным стоном, и на несколько долгих секунд мир перестал существовать. Не было ни виллы, ни Лазурного берега, ни времени. Было лишь пульсирующее, горячее слияние двух тел.

Когда я пришел в себя, Северин лежала рядом. Ее голова покоилась на моем плече, а рука лениво вычерчивала узоры на моей груди. Дыхание обоих постепенно выравнивалось. Воздух в комнате стал густым, пропитанным терпким запахом секса и пота.

Я лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как внутри меня рождается новый человек. Чувство унижения, которое я испытал вечером на террасе, исчезло без следа. Оно трансформировалось во что-то иное — в понимание сложной, извращенной игры, в которую играют взрослые люди.

— О чем ты думаешь? — тихо спросила она, не поднимая головы.

— О том, что вы... что ты смеялась надо мной не для того, чтобы оттолкнуть, — медленно произнес я, удивляясь тому, насколько спокойным и глубоким стал мой собственный голос. — Ты смеялась, чтобы сломать мою гордость. Чтобы подготовить меня.

Северин тихо рассмеялась, и на этот раз ее смех был теплым, интимным бархатом. Она приподнялась на локте и посмотрела на меня. В ее глазах не было ни насмешки, ни высокомерия. Только признание.

— Гордость — это одежда для тех, кому есть что скрывать, — промурлыкала она, касаясь моих губ своими. — А мы с тобой теперь совершенно раздеты.

Она потянулась за сигаретой. Чиркнула зажигалка, вспыхнул огонек, осветив ее профиль.

— Девственность — это не состояние тела, мой милый, — философски заметила Северин, выпуская струйку дыма. — Это состояние ума, цепляющегося за условности. Сегодня

ночью ты перестал быть девственником не потому, что проник в меня. А потому, что ты позволил мне проникнуть в твой разум. Ты принял мое доминирование, ты принял свою уязвимость.

Я повернул голову и посмотрел на нее. Женщина, которая еще несколько часов назад казалась мне недостижимой, жестокой богиней, теперь была частью меня. Я понял, что она не просто забрала мою невинность — она инфицировала меня своей философией. Она открыла дверь в мир, где нет запретов, где мораль диктуется лишь степенью наслаждения, где подчинение может быть слаще власти, а унижение — прелюдией к экстазу.

— И что теперь? — спросил я, чувствуя, как внутри снова начинает зарождаться тяжелое, темное желание.

Северин улыбнулась. Она перекинула ногу через мое бедро, прижимаясь всем своим горячим телом к моему.

— Теперь? — она затушила сигарету и провела ногтями по моей шее, заставив меня вздрогнуть. — Теперь, мой юный ученик, мы начнем урок номер два. Ведь ночь еще так молода, а впереди у нас — целая вечность познания.

За окном начинало светать. Первые лучи солнца робко касались черепичных крыш, но в моей комнате время остановилось. Я обнял Северин, чувствуя, как ее кожа отвечает на мое прикосновение. Я больше не был робким мальчиком. Я стал мужчиной, инициированным в тайный орден Эроса, готовым исследовать самые глубокие, самые провокационные тайны человеческой плоти. И я знал, что эта женщина, с ее жестоким смехом и ее абсолютной свободой, навсегда останется моим главным, самым восхитительным проклятием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.